

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ДОМА

В.П. Козырьков

Типологизация моделей дома — основание разработки социологии жилища (дома). Предмет социологического исследования — взаимосвязь дома со всем социокультурным пространством. Дом рассматривается как социальный институт, который формируется обществом, его культурой и проявляет себя как дом лишь при взаимодействии с другими социальными институтами.

1. Цель статьи и актуальность темы

Цель статьи – анализ процесса типологизации социокультурных моделей дома как содержательного основания разработки социологии дома.

В развитии общества дом всегда имел укореняющее для человека и его семьи значение. В XX веке его значение прогрессировало, что вызвало доместикацию всего общества и, соответственно, универсализацию понятия дома. В социальной теории это привело к смене теории глобализации теорией глокализации, в которой частной сфере, ценностям домашней жизни, малым сообществам отводится заглавная роль в механизмах глобализации. Как пишет У. Бек, «глобальное подстерегает и угрожает не как Великое Целое где-то там снаружи – оно гнездится и шумит в самом приватном пространстве приватной жизни. Более того: оно составляет добрую часть индивидуальной неповторимости, своеобразия личной жизни. Частная жизнь есть местоположение глокального» [1].

Углубляющаяся доместикация общественного сознания проявилась в различных социокультурных моделях дома, которые становятся идейной основой новых подступов к решению жилищной проблемы и преодолению бездомности. Понятия дома и бездомности приобрели экзистенциальный смысл, поскольку в современной культуре, как отмечал М. Бубер еще в 1943 году, происходит «слияние социальной и космической бездомности» [2]. Выходит масса научной, философской, художественной и прочей литературы, посвященной проблемам дома. Но при многообразии социальных установок в понимании устройства дома и росте специальных знаний о доме и домоустройстве, слабо разработана теоретическая составляющая общественных моделей дома, особенно в области социологии. Автор считает, что именно социология позволяет рассмотреть дом в качестве особой, малой социокультурной системы. И не как изолированного явления, а в контексте общей системы всех общественных отношений и форм культуры.

2. Критерий выделения и взаимосвязь основных моделей дома

Многообразие моделей дома в социокультурном контексте могло бы стать целью отдельного большого исследования, поэтому, по необходимости, мы лишь кратко покажем направленность процесса типологизации дома. Основой типологии нами будут взяты три пары взаимоотношений: человека и природы, человека и дома, частной и публичной сферы. Внешне они представляются различными парами отношений, но в контексте структуры дома как социокультурного явления эти пары образуют внутреннее единство. Собственно, данное единство, взятое в исторической и социальной динамике, и будет основанием типологии. Причем литературные точки зрения нами

рассматриваются как варианты формулировок существующих моделей дома и как их элемент.

2. 1. Индивидуально-ностальгическая модель дома

Эта модель дома сложилась тогда, когда можно было сказать, как это сделал английский юрист Э. Кок (1552–1634): «Мой дом – моя крепость». С тех пор существо этой установки мало изменилось. Но беда в том, что установка сохранилась, а «дома больше не спасают от катастрофы, не дают ни уверенности, ни обеспечения» [3], – свидетельствует О. Мандельштам. Индивидуализация дома привела к его ностальгической форме [4].

Так, в первой половине XX века эту модель дома ностальгического настроения М. Горький словами героя повести «Жизнь Клима Самгина» выразил так: «Дома у меня нет... Его нет не только в смысле реальном: жена, дети, определенный круг знакомств, приятный друг, умный человек, приблизительно равный мне, нет у меня дома и в смысле идеальном, в смысле внутреннего уюта...» [5].

В середине XX века эта модель из ностальгического стремления к внутреннему уюту трансформировалась в форму тоски по самоутверждению. Так, главный герой романа Р. Музиля «Человек без свойств», Ульрих, постоянно «чувствовал себя очень взбудораженным ответственностью, накладываемой на него устройством дома, и угроза, «скажи мне, где ты живешь, и я скажу, кто ты», которую он то и дело вычитывал в журналах по искусству, висела над его головой» [6].

К концу XX века модель дома, как выражение «внутреннего уюта» и внешней формой Я человека, стала ведущей, а в работах теоретиков постмодернизма дом стал даже отождествляться со всей сферой частной жизни. Как пишет о доме Ж. Бодрийяр, «каждый предмет в таком приватном пространстве усваивает себе свою функцию и получает от нее символическое достоинство; на уровне дома в целом межличностные отношения окончательно включаются в полузамкнутую систему семейства... Семейный дом – специфическое пространство, мало зависящее от объективной расстановки вещей, ибо в нем главная функция мебели и прочие вещи – воплощать в себе отношения между людьми, заселять пространство, где они живут, то есть быть одушевленными» [7].

Такое толкование дома стало очень привлекательным для современных россиян, истосковавшихся по характеру дома, который описывает француз Бодрийяр. В ней преодолевается ностальгия К. Самгина и беспокойное самосознание Ульриха по поводу выбора устройства дома. Понятно, что она широко поддерживается и в общественном сознании, и в отечественной литературе. Например, Е. Разовой дом определяется как «помещение, наполненное вещами, светом, звуками и запахами, где вырастает интимная история семьи или в котором разворачивается стилизованное театральное представление ультрамодной жизни» [8]. Определение выдержано в духе Бодрийяра.

Установка общественного сознания этого периода выразилась в резком увеличении индивидуального строительства и стилевой перестройки жилья. Сейчас важно не просто наличие жилища, а его переустройство в соответствии со своими вкусами и потребностями. Жилище должно быть не только стандартно комфортным, но и лично удобным. Как реально протекает этот процесс, мы можем постоянно наблюдать в каждом российском городе, особенно крупном.

И все же индивидуализированная модель в любом ее варианте не соответствует всей палитре социокультурных отношений по поводу дома.

Домашнее пространство в социокультурном проявлении шире, чем пространство, которое создается семьей или, тем более, частной жизнью отдельного человека. Да и в литературном выражении этой модели, скорее всего, мы находим формулировки реализации отдельных функций семейного дома, а не частного дома в целом и не дома как социологической категории.

Семейный дом есть первичное социокультурное пространство, которое позволяет интимно соединить в себе другие элементы жизненного мира в процессе формирования и воспроизводства атрибутивных свойств и качеств человека. Но, выйдя за порог этого дома, вы можете встретить другие формы приватного бытия, правда, уже не семейного. Различными интимизированными формами отношений сейчас пронизано все общество [9]. Да и в самой квартире есть элементы публичного бытия. Например, это работа на дому, соседи по квартире, прием гостей, работа коммунальных служб и т.д. Кроме того, современные коммуникации и СМИ, формы массовой культуры достают человека в любом уголке дома, включая личную постель, и выставляют его на всеобщее публичное обозрение. Дом стал прозрачен, как в романе И. Замятина «Мы». Следовательно, крайняя форма развития индивидуализированной модели дома привела ее к превращению в свою противоположность – в публизированную модель дома. И опять возникает ностальгия как духовная оболочка этой модели дома.

2. 2. Публизированная модель дома

В публизированной модели [10] жилой дом не отделяется от публичной сферы общества, а рассматривается ее продолжением или неотделимым элементом. В самом общем виде истоком такой модели является, во-первых, незрелость институтов частной жизни или, во-вторых, утвердившееся господство публичной сферы над частной жизнью. Каждая из этих причин вызывает свои особенности в публизированной модели дома [11].

При незрелости институтов частной жизни, как это было в истории советского общества, публизация дома происходила в силу невысокого уровня жизни и неразвитости жилищного строительства в стране. Большая часть общественных средств уходила на другие нужды или на поддержание безопасности государства. Поэтому люди были вынуждены жить в бараках, общежитиях, в коммуналках и прочих формах коллективного жилища.

Господство публичной сферы над частной жизнью, с одной стороны, приводит к закреплению открытости сферы частной жизни, а с другой стороны, к созданию специальных институтов и организаций для контроля над частной сферой. Для советского общества это выразилось в переходе на позиции тоталитарного государства. Такого государства, в котором уже есть возможности для адекватного решения жилищной проблемы, но этого не делается, чтобы иметь гигантские материальные и кадровые ресурсы для удержания сложившегося типа государства и всей сложившейся экономической и политической системы для решения не жилищных, а идеологических проблем [12].

В настоящее время публизация сохраняется, но приобретает иную форму. В частности, происходит социальная сегрегация городского пространства как особая форма публизации [13], в которой жилище становится неустойчивым по социальному статусу, а его функции или расширяются, или сужаются. С одной стороны, в законодательном порядке социально-правовой статус жилища объявляется неприкосновенным, а с другой – взвинчены цены на коммунальные услуги так, что люди начинают отказываться от своего жилья или теряют его,

приобретая статус бездомного. В то же время добротное жилище может выполнять одновременно функцию не только жилья, но и «крепости», офиса, магазина, гостиницы и т.д. Но если это жилье на окраине, не в престижном месте, то такое жилище в лучшем случае является частью жилого массива под названием «спальный район». И поскольку в состоянии социальной сегрегации сейчас находится все жилое пространство российского общества, возникает дромомания [14] как фактор, которые способствуют более высокой миграции населения.

Таким образом, данная модель дома, несмотря на внешние признаки близости проживания людей, создает наиболее острую форму ощущения бездомности. В этом состоянии индивидуальный дом становится предметом ностальгических настроений. В этой связи, видимо, и возникает призыв М. Булгакова: «Условимся раз навсегда: жилище есть основной камень жизни человеческой» [15]. Какую фантазмагорическую форму этот «основной камень жизни человеческой» приобретал в условиях советского общества, он показал в произведениях «Собачье сердце» и особенно в романе «Мастер и Маргарита». Пространство дома приобретает совершенно невероятные, дьявольские просторы, в которых происходят самые фантастические истории. В этой связи Ю.М. Лотман отмечал, что «среди универсальных категорий человеческого сознания большое место занимает противопоставление «дома» (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) антидому (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [16]. Таков итоговый результат развития публизированной концепции дома.

2. 3. Органическая модель дома

В этой модели дом отождествляется с экологической нишей или считается самой этой нишей. Это уже не социально-публизированная модель, а, позволительно сказать, естественно-публизированная. Социальные элементы в этой конструкции дома исчезают: ее вытесняет биотическое и духовное содержание человека и его природного окружения.

Вот как эту модель дома, например, описывает А.В. Говорунов: «Дом – это не только квартира (или апартаменты в элитном пригороде), но прежде всего сам способ контакта человека с миром» [17]. Поэтому бездомность, как он пишет, «оборачивается вполне реальной возможностью утраты своего места в биосфере и тем самым – самого себя как биологического вида» [18]. Проще говоря, – умереть.

Особую, символично-органическую трактовку этой модели предлагает М.Н. Громов. По его мнению, «организуя пространство средствами архитектуры, человек не только создает утилитарную среду обитания (что, к сожалению, превалирует в современном строительстве, особенно массовом), он воплощает свое видение мира, свои представления о красоте, свою мечту о гармоничном бытии» [19]. Казалось бы, автор уходит от биологизма и стремится уйти от утилитаризма, но фиксирует внимание на ценностно-символических аспектах дома. На одной стороне – человек с его мечтами о доме, а на другой – природа, «ждушая», что из ее материала будет построен дом. Связь дома с общественными структурами не раскрывается.

Например, автор отмечает, что «русское барокко XVIII века имело также дополнительную функцию прославления верховной власти и проводимой ею политики, подобно придворному барокко в других европейских монархиях» [20]. С замечанием нельзя не согласиться, но выделение такой функции дома в стиле барокко, как «прославление», не объясняет, каким образом «панегирики в камне»

выполняли основную функцию дома – быть жилищем человека, пространством обитания семьи, способом организации частной жизни каждого из ее членов. В то же время в этой трактовке модели дома остался без ответа вопрос, почему именно жилище выполняло социальную функцию прославления власти, – жилище, а не что-то другое.

Дом – это не только «манифестация духа», как считал О. Нимейер, на которого ссылается М.Н. Громов; дом есть и способ организации жизненного мира человека, включая его частные и публичные стороны. Следовательно, речь должна идти не о функции прославления, а о реализации новых функций власти, которые появились в XVIII веке. Излишне добавлять, что определенный тип жилища всегда был символом власти.

Таким образом, органическая модель дома может выражаться в разных концепциях, но всегда дом видится как некое раскрытие структуры человека, его «органопроекция» (П.А. Флоренский). Будь это проекция человека в виде определенной конструкции здания, учитывающего лишь параметры тела человека. Или это проекция духовной структуры человека в виде системы символов. Но это может быть и проекция профессиональных способностей человека, когда дом представляет собой некую мастерскую. В любом случае дом представляется как явление вневременное, изменяющееся только в пространстве. Можно сказать, что эта модель есть некая компенсация за те две первые модели дома, которые постоянно «ускользают» из жизни человека, делая его бездомным. В органической модели дом и человек видятся как некое единое целое. Образом такого симбиоза в русской литературе является образ И.И. Обломова. «В Обломове, – по словам И. Анненского, – есть крепко сидящее сознание независимости – никто и ничто не вырвет его из угла: ни жадность, ни тщеславие, ни даже любовь. Каков ни есть, а все ж есть наш русский home» [21].

2. 4. Гендерная модель дома

Гендерная модель дома имеет наиболее глубокие исторические корни. Но в силу ряда причин сейчас она стала наиболее влиятельной. Теоретически в западной литературе впервые она была оформлена в работах Г. Зиммеля и О. Шпенглера, а в отечественной литературе – в произведениях В.В. Розанова.

Поскольку в современных гендерных исследованиях большим авторитетом пользуется Г. Зиммель, мы больше обратим внимание на идеи этого автора, хотя проследить влияние в российской культуре идей В. В. Розанова о доме было бы весьма интересно [22]. В частности, если взять за основу идею, которую высказал сам В. Розанов: «Одна идея “Домостроя”, *Домо-стройка*, есть уже великая, священная» [23].

Гендерный подход в социальной науке носит статус междисциплинарного исследования. Он базируется на осмыслении двух простых фактов: с одной стороны, факта взаимодополняемости мужского и женского полов и их социокультурных функций, а с другой – факта исторической обусловленности в содержании понятий мужественности и женственности. Такая точка зрения позволяет нам настаивать на том, что домашнее пространство формируется как мужчиной, так и женщиной. Анализ имеющегося этнографического и исторического материала показывает, что пространство дома всегда была локализовано на публичные и приватные элементы, на мужскую и женскую «половины» [24].

Следовательно, можно в полной мере согласиться с мыслью Г. Зиммеля, что дом есть особый способ отражать, соединять и формировать всю жизнь. Но вряд

ли будет верным его категорическое утверждение, что «свершение этого является великим культурным деянием женщины» [25]. Если строго следовать этому категоричному суждению, то мы неизбежно приходим к выводу, что мужчина никакого участия в создании и обустройстве дома не имеет и вообще – существо бездомное. И только женщина своими заботами придает ему одомашненный характер.

Как показывают исторические исследования [26], в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе или к сословию, взаимосвязь мужчины и женщины с домом была различна. Она отличалась также в зависимости от городской или сельской культуры. Тот способ гендерной взаимосвязи с домом, который рисуется Г. Зиммелем, скорее всего, характерен для патриархального сельского дома, но не дома знатного господина, в котором роль и функции женщины были совершенно иными. В описаниях Г. Зиммеля и его последователей мы видим тот образ дома, который позже будет развит и поднят на философскую высоту О. Шпенглером и М. Хайдеггером. В какой-то мере домашний дух их сочинений в XX веке стал излечивающей противоположностью того духа бездомности человека, который воспроизводят сочинения Ф. Ницше. Не случайно и то, что сочинения О. Шпенглера и М. Хайдеггера в России в последнее время стали очень популярны. Они не могут быть не популярны в силу нашей современной бездомности.

Так, Шпенглер утверждал, что «дом – это самое чистое выражение породы, которое вообще существует»; «душа людей и душа их дома одно и то же»; «когда исчезает тип дома – вымерла некоторая человеческая порода» [27]. Слова Шпенглера прозвучали в начале 20-х годов. Однако эта идея витала в воздухе, потому что наступил бездомный век, в котором обретение дома стало мечтой всех, как для мужчин, так и для женщин. Во второй половине 20-х годов М. Хайдеггер разработал свою концепцию дома, хотя она по многим аспектам совпадает с концепцией Шпенглера. О домашнем факторе в культуре М. Хайдеггер писал так: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища; язык есть «дом истины бытия» [28]. Разумеется, это уже не тот дом, о котором писал Шпенглер, зато духовное наполнение категории дома позволило Хайдеггеру высказать идею о возможности преодоления космической бездомности человека. В этом же направлении развивалась мысль М. Шелера и М. Бубера. В России эта духовная традиция в развитии культуры была прервана. Идеи В.В. Розанова не получили развития. Вероятно, поэтому в гендерных исследованиях больше поднимаются на щит идеи Г. Зиммеля, инициируемые феминистским движением. Целостная социально-философская концепция дома, разработанная в первой половине XX века, еще ждет своих последователей.

С этой точки зрения обнаруживаемое гендерное неравенство нельзя рассматривать как следствие доминирования мужского или женского начала. Такое впечатление складывается лишь тогда, когда мужчину и женщину мы рассматриваем как членов семьи, игнорируя пространство дома и все его социальные функции. Приведем довольно распространенное мнение: «Поскольку домашняя сфера становится уделом женщины и ограничена территорией, на которой проживает семья, то именно женщина занимается ее обустройством. Она осваивает свое пространство, делает его удобным для себя. Мужчина же должен «вписаться в интерьер» и чаще всего используется как физическая рабочая сила и источник дохода для покупки мебели, предметов длительного пользования,

аксессуаров для жилья. По этой причине не существует диалога между супругами по поводу обустройства их совместной территории» [29]. Автор как будто забывает, что дом есть не только пространство частной жизни, но и более широкое поле отношений, включающее в себя выполнение публичных функций, в которых, как это видно уже из процитированных строк, участвует и мужчина. И тут не только выполнение роли «добытчика» и ремонт жилья, хотя и это немаловажно. Здесь и реализации функции приема гостей, выхода в гости и поездки в места отдыха, туристические поездки. Важна также представительская функция в диалоге с различными органами власти, функция защиты дома, включая службу в армии, и домочадцев, воспитательно-образовательная функция и др. Вполне понятно, что эти функции при опросах могут не отмечаться женщинами-респондентами, поскольку они выполняются не каждый день или имеют латентный характер. Однако с социологической точки зрения это реальные домашние функции, значимость которых особенно сильна в сельских условиях, а в российских городах возросла с момента приватизации квартир.

Но самое главное даже не это, а то, что характер маскулинности и фемининности, проявляемый членами семьи в пределах пространства дома, качественно изменяется вне дома, нередко приобретая даже противоположный характер. Возникает вопрос, в какой сфере жизни, домашней или вне дома, маскулинность и фемининность проявляются наиболее адекватным и полным образом? Стереотипные представления всем хорошо известны: женское начало – дома, мужское – вне дома. На этом настаивает и Зиммель. Мы же полагаем, что в полной мере мужская и женская атрибутика проявляется только в пространстве дома. Если этого не происходит, то в этом «виновны» не только муж и жена, но и дом: выбран не тот дом, не освоено внутренне пространство дома, «квартирный вопрос» обществом не решен вообще и дом не вписан в общее социокультурное пространство. А.С. Пушкин о значении дома и домашней жизни писал так: «И нас они науке первой учат: / Чтить самого себя» [30]. Если этого нет, то и вне дома гендерные отношения носят отчужденный характер.

Таким образом, гендерная модель внутренне противоречива. Но в современной культуре она объективно существует как ответ на ностальгическое настроение по поводу утраченной укорененности в культуре, которая долгое время в истории воспринималась как общее социальное пространство дома или была домом как «средоточием духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, творчестве и любви» [31]. Сейчас все это стало исчезать, поэтому и возникает феномен бездомности и желание найти ближайшего виновника этой экзистенциальной и социальной катастрофы.

3. Заключение

Важным подходом к разработке социологической концепции дома является изучение взаимосвязи различных социокультурных моделей дома, включая сюда литературные формы их выражения. С этой точки зрения предметом социологического исследования должна быть универсальная взаимосвязь дома и всего социокультурного пространства. Жилище должно рассматриваться не как локализованное пространство, а как социальный институт, который формируется обществом в целом и функционирует при взаимодействии с другими социальными институтами.

Литература и примечания

1. Бек, У. Что такое глобализация? / Общая ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 133.
2. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 151.
3. Мандельштам, О. Соч.: В 2-х т. Т. 2 / О. Мандельштам. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 181–182.
4. Ностальгия (от греч. *nostos* – возвращение домой, и *algia* – тоска) – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было. С. Бойм отмечает, что понятие «ностальгия» вводится в оборот швейцарскими врачами в XVII веке. Эта болезнь поражала наемных швейцарских солдат, воюющих вдали от родины. См. подробнее: Бойм С. Конец ностальгии? // <http://www.win.infoart.nsk.su/magazine/nlo/n39/boym.htm>
5. Горький, А.М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): Повесть. Части третья и четвертая / А.М. Горький. – М.: Правда, 1988. – С. 375.
6. Музиль, Р. Человек без свойств / Р. Музиль. В 2-х т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1977. – С. 42.
7. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1999. – С. 18, 19.
8. Разова, Е. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Е. Разова // <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html>
9. См. подробнее: Козырьков, В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры / В.П. Козырьков // Вестн. ННГУ. Сер. «Социальные науки». Вып. 1(2). – Н. Новгород, Изд-во ННГУ, 2002. – С. 117–130.
10. Под публикацией мы понимаем процесс превращения элементов и форм частной сферы жизни – в публичные.
11. См. подробнее: Герасимова, Е. Ю. Советская коммунальная квартира / Е.Ю. Герасимова / Социологический журнал. – 1998. – № 1/2; Утехин, И. Очерки коммунального быта / И. Утехин. – М., 2001; Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 159–216.
12. См.: Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 гг. / Н.Б. Лебина. – СПб.: Журнал «Нева», Летний сад, 1999; Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг./ Е.Ю. Зубкова – М.: РОСПЭН, 2000 и др.
13. См., например: Трущенко, О.Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве / О.Е. Трущенко. – М.: «Socio Logos», 1995; Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин; Авт. коллектив. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
14. Дромомания (от греч. *dromos* – бег, путь и *mania*), импульсивное и непреодолимое стремление к бесцельному блужданию, перемене мест, бродяжничеству. Психологи считают, что настоящая дромомания встречается сравнительно редко, как сопутствующая при шизофрении и эпилепсии. Но есть основание выделять дромоманию и как «охоту к перемене мест» (А.С. Пушкин), то есть как социальное явление. В литературе этот тип личности получил название фланера. См., например: Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133–142.
15. Булгаков М.А. Трактат о жилище // Булгаков М.А. Избр. произв. / М.А. Булгаков. – Киев, 1990. – С. 607.

16. Лотман, Ю.М. Дом, в котором не живут / Ю.М. Лотман // СОЦИУМ. – 1995. – № 7. – С. 29.
17. Говорунов, А.В. Дом, дома, дому... / А.В. Говорунов // <http://anthropology.ru/ru/texts/govorun/dom.html>
18. Там же.
19. Громов М.Н. О философской семантике архитектуры / М.Н. Громов // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. 2. – М.: Наука, 1990. – С. 73.
20. Там же. – С. 74.
21. Анненский, И. Гончаров и его Обломов // Анненский, И. Избр. пр. / И. Анненский. – Л.: Художественная литература, 1988. – С. 664.
22. См. подробнее: Козырьков, В.П. Природа, человек и его частная жизнь в философии дома В.В. Розанова / В.П. Козырьков // Человек и общество в русской философии. – Кемерово, Межвуз-е изд-во, 1995. – С. 108–132.
23. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1990. – С. 437.
24. См., например: Бурдые, П. Дом, или Перевернутый мир; Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – СПб.: Изд-во СПбГ Ун-та культуры и искусств, 2002. – С. 182–234.
25. См.: Зиммель, Г. Избранное. В 2-х т. Т. 2 / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – С. 257.
26. См., например: Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян А.К. Байбурин. – Л., 1983; Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997; Домострой. – М.: «Захаров», 2001; Беловинский, Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности / Л.В. Беловинский. – М.: Профиздат, 2002.
27. См.: Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 23–25. Под этими формулировками мог бы подписаться и В. Розанов, доживи он до времени публикации работы О. Шпенглера. Хотя для В. Розанова важнее все же было понять дом как что-то теплое, уютное, способное согреть человеческую душу, позволить принять в свою душу другого человека, а не как способ объяснения соответствия состояния души и всего окружающего мира.
28. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314, 318.
29. Лыткина, Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // СОЦИС. – 2004. – № 9. – С. 86.
30. Пушкин, А.С. Соч.: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. – С. 466.
31. Лотман, Ю.М. Дом, в котором не живут. – С. 32.

Typology of the models of home is the foundation for working out sociology of home. The subject of sociological research is interrelation between home and socio-cultural space as a whole. Home is considered a social institution which is formed by society and culture and which represents itself as home only in interaction with other social institutions.